

UDC 316.74 | DOI: 10.17809/21(2016)-31

RELIGIOUSNESS IN THE “WORLD OF THREATS”

Shushunova, T. N.^{1*}

1 Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University, Minsk, Belarus.

* Corresponding author: tatiana.shu-va@mail.ru.

Citation: Shushunova, T. N. (2016). Religiousness in the “World of Threats.” In *Science and innovations in the globalized world* (209-213). San Diego, CA. doi: 10.17809/21(2016)-31.

Received: December 10, 2015.

Accepted: December 19, 2015.

Published: January 8, 2016.

Copyright: Shushunova, T. N.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

РЕЛИГИОЗНОСТЬ В «МИРЕ УГРОЗ»

Шушунова Т. Н.^{1*}

1 Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, г. Минск, Республика Беларусь.

* Автор, ведущий переписку: tatiana.shu-va@mail.ru.

Аннотация

В статье рассматриваются явление религиозности в ситуации увеличения рисков, связанных с неопределенностью и непрозрачностью современности, с акцентом на компенсаторную функцию религии. В статье качественно и количественно сравнивается религиозность населения Беларуси и России. Дается представление о конфессиональном разнообразии Беларуси и объясняется, с чем это связано. Указывается на сложность проведения социологических исследований в данной области в связи с разницей в определении религиозности. Кроме того, в статье приведены различия в мотивации религиозности в зависимости от конкретной страны. В статье также рассматриваются потребность в религии, как необходимость обретения социальных связей, которых в современном мире становится все меньше, и как желание передать традиционные религиозные ценности и традиции будущим поколениям. Дается характеристика религиозности молодежи восточных районов Беларуси, показан ее во многом противоречивый характер, который был унаследован молодыми людьми от прошлых поколений.

Ключевые слова

Религиозность; компенсаторная функция религии; конфессии; религиозность молодежи; религиозные ожидания.

Как замечает польский социолог Петр Штомка, в эпоху "поздней современности" мы имеем дело с появлением "новых форм риска". Которые не столько связаны с личностной неуверенностью человека относительно последствий его собственных действий. Сколько о рисках, связанных с цивилизационным и техническим окружением, созданными не без помощи человека, но увы, не поддающийся контролю даже экспертов и специалистов [1, с.596]. В субъективном измерении это означает повышенную восприимчивость и осознание угроз. Не последняя роль здесь отводится медиа, для которых показ катастроф и других драматических событий является средством привлечения внимания. Более острое ощущение рисков проистекает из меняющейся роли тех психических средств или защитных механизмов, которые издревле существовали. В противном случае, секуляризация оставляет человека один на один со всем, что ему угрожает, а благодаря высокому уровню массового образования люди ясно видят те угрозы и вызовы, которых раньше они не ощущали. Роль компенсаторной функции религии, благодаря которой угнетенное состояние может преодолевать «свободой в духе», а такие психологические аспекты компенсации как снятие стресса, утешение, духовное наслаждение и т.д., становится как никогда актуальными [2, с.68].

История человечества богата примерами, когда именно в переломные, кризисные времена наблюдается особый интерес к религиозной проблематике. В настоящее время мы можем говорить о религиозности населения Республики Беларусь на основании фактов социологических исследований 1990-2010-х годов, которые выявили, что у нас 60% населения считают себя религиозными. Если рассматривать точку зрения, согласно которой религиозность – это вовлеченность (индивиду, группы, общества) в религиозную систему или религиозное движение.

Белорусские специалисты рассматривают религиозность «как интегральную величину, которая складывается из сочетания степеней вовлеченности последователя в каждое измерение религии». На основании чего, они выстраивают типологию религиозности с учетом сложной структуры религии и «когда тип религиозности определяется как сочетание степеней приверженности универсальным измерениям религии, а именно:

- 1) определенной религиозной идее и выражающей ее системе представлений (системе «истин веры»); здесь приверженность реализуется через религиозную веру;
- 2) определенной, основанной на данной системе представлений, системе религиозной деятельности; здесь приверженность проявляется в исполнении ритуалов, соблюдении норм и форм благочестия, праздничных дней (и периодов), а также через участие в (миссионерской и) социально-культурной деятельности религиозного сообщества;
- 3) определенному, более или менее организованному религиозному сообществу, консолидированному общей целью поддержания связанности с религиозным объектом посредством почитания его, служения ему; здесь приверженность проявляется в виде членства или участия в культовой и / или социально-культурной жизни общины [3, с.130].

Некоторые российские исследователи признают, что говорить о религиозности населения используя данные самоидентификации населения - сложно. Поскольку еще в 80-х гг. прошлого века выявилась недостаточная разрешающая способность соотнесения человека к группам верующих-неверующих-атеистов. Как выяснилось, этот показатель не коррелирует ни с одними из группобразующих социальных признаков (материальная обеспеченность, род занятий, сфера деятельности, отношения в семье, жизненные условия, возможность проведения досуга, удовлетворенность жизнью в целом и т.д.); ни с социально-демографическими характеристикам [4, 319]. Тем не менее, этот «пустой» для социолога признак используется и анализируется в ключе определения мировоззренческих позиций. Так же слабо работает в социальном плане показатель конфессиональной принадлежности.

В Республике Беларусь зафиксировано, что 86% из общего количества верующих, относят себя к православным, 12% - к католикам и 2% - к другим религиям. Данный фактор важен при анализе этноконфессиональных отношений, а также при изучении различных форм культового поведения в рамках «внешней» религиозности.

Согласно опросу, проведенному в 2011 году Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси, «истинно верующим» считает себя каждый пятый белорус, среди них к православию себя относят 57,3%, к католичеству - 34,5%, к протестантству 31% [5].

Результаты этого, как и других серьезных социологических исследований, свидетельствуют, что, как правило, когда жители Беларуси заявляют о своей принадлежности к той или иной религиозной конфессии, то речь идет не о религиозной, а, скорее, о культурной идентификации. Считается, что православие - «традиционная религия восточных славян». Крещение ребенка в православном храме воспринимается как традиционный ритуал, то же относится и к отпеваниям умерших. Эти два христианских таинства являются на Беларуси наиболее массовыми.

При этом на вопрос «Были ли Вы в последние выходные в храме?» положительно ответили только 6% участников опроса. Следовательно, основная масса верующих ведут пассивную религиозную жизнь, которая характеризуется отсутствием постоянной практики посещения богослужений, чтения религиозной литературы, соблюдением постов, и участия в религиозных таинствах.

Интересные выводы получили российские исследователи, социологи ИСПИ РАН, которые разработали и апробировали в Ярославской области индекс вовлеченности человека в церковную жизнь, используя пять групп показателей: частота посещения храма, причащение, чтение Евангелия, характер молитв, соблюдение постов. Благодаря делению общего массива по критерию «воцерковленности», были выделены пять групп населения: воцерковленные - 9%, полувоцерковленные - 21,5%, начинающие -18%, невоцерковленные - 34%, 0 -группа -13%. И когда все они были опрошены на предмет суверенного поведения и оккультной практики, то именно группа «воцерковленных» показали себя склонными к вере в приметы, в гадание, и не отрицали интереса к деятельности экстрасенсов [6, с.112]. Таким образом, так называемые «воцер-

ковленные» верующие являются просто в больше степени восприимчивыми в эмоциональном плане людьми, для которых такой притягательный сакральный мир раскрывается непосредственно через внешние признаки церковных служб, символы, которые всегда сопровождают ритуальную деятельность, но не более того. Религиозность и «воцерковленность» этих людей заканчивается тогда, когда начинается программа «Битва экстрасенсов».

Совсем другая мотивация религиозного поведения новой американской элиты описана у американского социолога Дэвид Брукс в работе «Бобо в раю. Откуда берется новая элита»[7]. Представители нового класса, явившиеся в результате смешения буржуазных и богемных ценностей, которых Р.Флорида называет «креативный класс», а Дэвид Брукс – «бобо» - эти «герои резюме», для которых работа есть лишь способ наполнить жизнь высоким смыслом, отличаются возвращением к религиозным традициям. Но здесь причина посещения религиозных традиционных богослужений кроется не в открытии для себя «сакрального мира». Для этого у них, может быть, существуют всевозможные духовные практики поколения «Нью-эйдж». В данном случае, эти молодые люди столкнулись с новым противоречием: разнообразные «духовные откровения» последних лет, которые расширяют границы возможного, к сожалению, не учат своих последователей, как осуществлять преемственность нового религиозного течения, как его передавать детям. И уже через некоторое время, приходит понимание того, что в свободном мире потоков информации и способов самовыражения, где первичные общинные связи становятся роскошью, религия является тем островком традиций и вечных ценностей, которые никуда не исчезают, которые остаются основой сплоченности вокруг них верующих и прихожан. Новое поколение «бобо» демонстрирует приверженность к религиозной жизни не потому, что они вдруг поверили в истинность Откровения, а потому, что в секуляризованном обществе, где социальные связи мимолетны, а роль неформальных сообществ – минимальна, возникает потребность быть причастным к ритуалам и культовой традиции, чтобы почувствовать «эффект соборности», чтобы передать своим детям правильные ценности.

В связи с этим обратимся к исследованию религиозности белорусской молодежи, которая была проделана В.В.Юдиным в работе «Особенности религиозности молодежи восточных регионов Беларуси», для того, чтобы узнать в каком направлении движется та социально-демографическая группа, которая связывается с надеждой на будущее. Автор утверждает, что по результатам исследования при положительной динамике конфессиональной самоидентификации, преимущественно православной, как мы понимаем, связанной с культурными территориальными традициями, молодые люди не только не знают основ вероучения, но и не могут выделить основные положения тех конфессий, к которым себя сами причислили. Однако, 60 % опрошенных признают свою веру в Бога, при том, что их неструктурированное религиозное знание содержит в себе элементы верований самых различных религий, которые принадлежат христианству, оккультизму, восточным религиозным системам, а также отголоскам языческих верований; все уживается и сосуществу-

ет, а иногда даже последние могут превалировать над традиционными религиозными основами [8].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что, несмотря на сложность изучения самого понятия религиозности, несмотря на различные подходы к его определению и разницу в использованных методологических подходах, а также на свидетельства исследователей о том, что всех имеющихся данных и приемов все равно недостаточно, что нужно проводить еще более глубокие исследования, которые бы давали в большей степени достоверную информацию, эта тема исследования никогда не будет старой и невостребованной. Чем сложнее жизнь, чем больше мировых угроз и глобальных рисков, тем больше устремления людей тяготеют к понятным общинным правилам существования, которые им может на сегодняшний день обеспечить именно религия как социальный институт. Одни к ней обращаются за потерянной соборностью социального по своей природе существа, тоскующего по «миру общины», а другие - в поисках ответов на новые вызовы современности, за удовлетворением компенсаторной потребности, за обретением всем понятного пути даже номинального, социального статуса «воцерковленного» верующего, который за ярким фасадом внешнего содержания даже не пытается постичь суть верования. Так поступают взрослые люди, чья религиозная традиция насильно прерывалась долгие годы, так что сейчас им труднее понять, почему нельзя посещая в храме Богослужения и участвуя в церковных таинствах расставлять у себя в квартире мебель по правилам фен-шуй или при семейных конфликтах обращаться за помощью к гадалкам. Но так поступают и молодые люди, новое поколение верующих, которые смело заявляют о своей религиозности, но при этом не особо заботятся о том, во что именно они верят.

Список литературы:

1. Штомка, П. Социология. Анализ современного общества. – М., 2005. – 664 с.
2. Яблоков, И. Н. Религиоведение: учебное пособие. – М., 1998; 2-е изд., 2004. – 368 с.
3. Карасева, С.Т., Шкурова, Е.В. Многомерный кросскультурный подход к исследованию религиозности Беларуси: актуальность и концептуализация // Социология. – 2012. – №3. – С. 123-133.
4. Мчедлов, М.П. Религиоведческие очерки. – М., 2005. – 25 л.
5. Volovoj, V. (2007). Koks tikrasis Rusijos veidas? Retrieved from <http://www.geopolitika.lt/?artc=7073>
6. Возьмитель, А.А. Социология религии в России: проблемы и перспективы // Социологические исследования. – 2007. – №2. – С. 110 -117.
7. Брукс, Д. Бобо в раю: откуда берется новая элита. – М., 2013. – 296 с.
8. Юдин, В.В. Особенности религиозности молодежи восточных регионов Беларуси. – Минск, 2009. – 150 с.